

ЯСНЫЕ КРАСКИ ЗАКАТА

ОНА сидит очень прямо, не касаясь спинки стула, и смотрит в окно, где откормленные воробьи лениво отталкивают друг друга от кормушки. Если забыть про бушующее невдалеке шоссе Энтузиастов, кажется, что дом стоит в лесу. Так чисты здесь стволы берез, так здесь тихо и по-своему пустынно. Остановка называется: «Дом ветеранов сцены». Но надо сказать водителю, что выходишь, иначе автобус может проскочить. Здесь останвливаются нечасто.

Она сидит очень прямо, как обычно сидят балерины, и я еще раз подумала: нет, ей никак не дашь семидесяти шести. Я здесь не в первый раз, мы уже о многом переговорили, и я задала тот вопрос, хотя знала примерно, каков будет ответ. Примерно знала, но, услышав, пожалела: не надо было говорить про это.

Я спросила, есть ли у нее родственники в родном городе — Ленинграде. Ольга Ефимова, не отводя глаз от ссорящихся за окном птиц, сказала:

— Есть...— А потом помолчала и добавила.— На Пискаревском кладбище.— Очень спокойно сказала, задумчиво.

Ольга Ефимова Абрамова сдержанна и, пожалуй, даже суховата. У нее строгое лицо, и носит она строгие, закрытые платья. На стене в ее комнате висит портрет красивой молодой женщины с оголенными плечами. Ольга Ефимова замечает мой взгляд и говорит:

— Вот что жизнь с нами делает...

Я молчу. Она не любит пыстных утешений.

Второй раз Ольга Ефимова вышла замуж поздно — под сорок. Ее муж, драматический актер Алексей Алексеевич Павлов, был человеком талантливым, внимательным, заботливым. У них было много друзей, Алексей Алексеевич сходил с людьми легко и был в дружбе верен. Она всегда знала, что была счастлива, но как много

он значил в ее жизни, Ольга Ефимова по-настоящему поняла, когда его не стало. Он ушел из жизни, и она потеряла последнего близкого человека на свете.

Дорогая Ольга Ефимова! Большое Вам спасибо, это добрый и нужный вклад в музей нашего театра, где Алексей Алексеевич занимал самое достойное место — его помнят товарищи по работе и зрители.

Мы получили все отправленные Вами посылки и очень хорошо состоим. Директор Иркутского драматического театра А. ЛЕСНАЯ.

И решение Алексея Алексеевича уйти со сцены, и его идея перебраться из Иркутска, где они жили и работали в последнее время, в Москву, поселиться в Доме ветеранов сцены были для Ольги Ефимовой неожиданностью. Первое она еще могла объяснить: Алексей Алексеевич стал забывать роли. Он любил свой театр, играл много и сам ставил спектакли, и они часто говорили о том, что у драматических актеров, не то что у балетных, на сцене сроков нет. Но тогда, после первой забытой реплики, он сказал дома вроде бы и не к месту: «Надо уметь трезво оценивать свои силы».

В Москву Ольге Ефимовне ехать не хотелось, но она не решилась его огорчать и уступила. И считала, что переехала ради мужа. А потом, когда мужа не стало, его приятель рассказал, что Алексей Алексеевич еще в Иркутске долго думал, где ей, если она останется одна, будет удобнее и спокойнее.

В первый наш разговор мы сидели с Ольгой Ефимовной в общей гостиной в мягких, удобных креслах в окружении целого сада зеленых растений.

— Как вам здесь живется? — спросила я.

Ольга Ефимова ответила: — Всяко.— И тут же добавила: — Но это я про свое душевное состояние. А живем мы здесь прекрасно.

Ольга Ефимова принесла обед из столовой. Судки подогреваются на плитке, а она накрывает на стол. Скатерть, салфетки, ваза с фруктами, силикатные конфеты, вино, оставшееся с Нового года, оливки, которые ей есть нельзя.

— Вам помочь? — спрашиваю я.

— Вы мне помогаете уже тем, что сидите в этой комнате и разговариваете со мной. Последний раз ко мне на обед приходила одна знакомая... Это было...— она задумывается,— да, это было месяца три тому назад...

Я ловлю себя на том, что считаю, когда же я была у друга нашей семьи, очень пожилую большого человека. И вспоминаю: два месяца тому назад. Два месяца!

Что мы знаем об одиночестве? Что знаем мы в нашей светлой, торпливой жизни, когда для общения с друзьями не хватает только одного—времени, об острой радости угостить, принять, поговорить? О редкой радости—поговорить с пришедшим к тебе в гости человеком.

Ольга Ефимова не жалуется. Не только потому, что не любит жаловаться, а потому, что всегда трезво относилась к жизни. Не на кого ей жаловаться и обижаться не на кого. Нет родных, на холодность которых можно было бы посетовать. В Москве она сравнительно недавно, и поэтому нет друзей, на забывчивость которых можно было бы раздражаться. И живет она хорошо. Уютный дом, в котором

заботливые врачи, где вкусно кормят и думают, чем заполнить их вечера и как разнообразить дни. И рядом — люди, чьи судьбы во многом похожи на ее собственную. Но от этого бессонные ночи не становятся короче. И моложе не становишься, и здоровее тоже.

Мы, нижеподписавшиеся, приняли от Абрамовой О. Е. в Фонд мира часы золотые женские и цепочку золотую к ним, кольцо золотое с тремя камнями-брильянтами, брошь золотую с напаянной пятиконечной звездой и брильянтами в ней, кольцо с аметистом, монету золотую 1897 года, серебряные ложки и вилки, сервиз японский.

Уже много позже, когда достало силы разобрать архив Алексея Алексеевича, Ольга Ефимова нашла в нем эти записки: «Бывает так: идешь долго, пройдешь огромное расстояние и все-таки готов идти еще и еще. Но пожалел себя и сел отдохнуть. И вот тут-то и почувствовал, как загудели, застонали ноги и по всему телу разлилась усталость. Захотел встать и идти, а не можешь — нет сил. Так я пришел в Дом ветеранов сцены. Так я понял: надо ценить этот уют и научиться достойно жить в нем. Великое и в уходе из жизни».

Они прожили вместе долгую жизнь, и у Алексея Алексеевича не было от нее секретов. И мысли эти были не новыми, но она не раз потом повторила ударившие в сердце слова: «Научиться достойно жить...».

Сколько их в человеческой жизни—рубежей, которые заново приходится преодолевать? Сначала видятся сложными те, которые выбираешь сам: учеба, профессия, семья. Потом

оказывается, что куда труднее те, которые одолевая приходишь всем — известным и неизвестным, счастливым и несчастным—всем без исключения: возраст, болезни, старость. А потом приходит совсем горький час, и понимаешь, что не все еще пройдено. Надо заново учиться достойно жить. Одному.

Утром Ольга Ефимова выходит на балкон и делает свою зарядку «у станка», в который превращаются балконные поручни. Никаких побряк. Вдох — приседание — выдох. Она не разрешает себе выходить в общий коридор в халате, и дома надевает халат только если больна. Надо было научиться одеваться и следить за собой и тогда, когда этого никто, кроме тебя, не заметит. Ольга Ефимова научилась.

Когда по телевидению передают балеты с участием ее любимцев — Кати Максимовой и Владимира Васильева, она весь день думает о вечере. Надо было научиться устраивать себе праздники.

И надо было найти самое главное: чем жить дальше?

— Воспоминаниями, — сказала ей приятельница, потерявшая и мужа, и дочь.— Оказываться, можно жить воспоминаниями.

Наверное, можно жить воспоминаниями. Ольга Ефимова давно уже думала о том, что самое страшное—это когда понимаешь: все уже было, и ничего нового тебя не ожидает. Ничего больше не будет: ни знакомых городов, ни новых друзей, ни неожиданных встреч. И в тот самый день, когда говорила она с приятельницей, ей предложили билет в Большой на «Икара». Наслаждаясь музыкой, поэтичностью Кати Максимовой и мужеством Володи Васильева, испытывая

удовольствие от особых театральных запахов, шорохов, от яркого света сцены и темноты зала, она подумала: как это больше ничего не будет? Как это ничего нового, неизведанного, необычного? А то, что завтра поставит Васильев, станцует Максимова? Разве все в жизни она уже услышала, прочитала, увидела? Разве радоваться можно только тому, что происходит с тобой или в твоей непосредственной близости?

Вечером она впервые за долгое время задержалась перед зеркалом. Да, стара и седа, но глаза смотрели живее.

Наверное, кто-то живет воспоминаниями, но, может быть, воспоминания принесут у другим?

Музей Бахрушина приносит Вам большую благодарность за ценный дар музею — архив А. А. Павлова, заслуженного артиста РСФСР: фото, программы, афиши, документы.

Весь гардероб мужа она отправила в Иркутский театр в костюмерную, все архивы его поделила пополам — между театром и Бахрушинским музеем. Теперь архив, когда-то занимавший все ящики письменного стола, уместился в двух папочках. Грамоты Ольги Ефимовны, которыми ее награждали за работу хореографом. Пожелтевшие снимки девочек в белых пачках и последних ее учеников—Бурятский ансамбль Иркутского университета. Фотографии Алексея Алексеевича лежат в отдельном целлофановом мешочке.

— Это он в роли Фамусова. Вот видите, у него на руке мой подарок — кольцо, которое я потом Фонду мира отдала. Он его всегда надевал, когда Фамусова играл. Это было...— Ольга Ефимова за-

думывается. Забыла. Раньше, бывало, посмотрит в программу — и вспомнит. А сейчас нет программ, отослала.

— И все-таки, наверное, трудно вот так по частям дарить свое прошлое? — спрашиваю я.

— В самом бескорыстном поступке есть какая-то доля эгоистических побуждений.— Ольга Ефимова любит парадоксы.— Труднее — не дарить. Где-то я читала: счастлив тот человек, который в старости кому-то нужен. Хорошо, когда есть семья: дети, внуки. Тогда все образуется само собой. А если нет?

Я знаю, о чем она думает, потому что в этот момент руки Ольги Ефимовны поглаживают железную рамку портрета, который она только однажды мне показала. Издали показала, словно боялась, что я его могу уронить, сломать. На фотографии — живое девичье лицо с темными бровями взлетет. Ольга Ефимова заменила Тамаре мать, когда ей было три года. В девятнадцать Тамара ушла добровольцем на фронт. Похоронена она в конце сорок второго года под Калинином.

— А если нет? — повторяет Ольга Ефимова, а я думаю о том, как долго, как бесконечно долго мстит нам война.— Тогда сам ищешь, кому пользу принести.

Я пишу эти строки и жду звонка. Сейчас позвонит моя знакомая и, как всегда, будет долго жаловаться на жизнь, на детей, внуков, соседей, друзей. На то, что ее замучили визитами, если ходят часто, и на одиночество, если два дня никого не было. И я понимаю, что не могу ее утешить: ей действительно плохо. Не хочет она принести посылную пользу. Не хочет и не умеет и не умеет.

Ни делом, ни советом, ни временем. И, может быть, это правда, что на склоне лет греет не столько то, что получаешь, сколько то, что отдаешь?

Центральный дом народного творчества имени Н. К. Крупской приносит Вам сердечную благодарность за переданные нам в дар многочисленные книжные и нотные издания, большая часть которых отсутствовала в фонде библиотеки ЦДНТ.

Теперь я стараюсь прийти к обеду, понимая, какое удовольствие доставляют ей все хлопоты, которые мы пока еще относим к тяготам жизни. Ольга Ефимова оживленна и бодр. Только что закончилась Всесоюзная конференция Советского фонда мира, на которую она была приглашена как активист фонда, и она полна впечатлений. Говорила с Борисом Николаевичем Полевым, познакомилась с какими-то очень симпатичными людьми с Урала. Все было интересно и значительно.

Ольга Ефимова хозяйским глазом окидывает свою комнату.

— Вот эти две картины я отдам фонду и палехские шкатулки... Они теперь дорого стоят. Мне деньги? — удивляется она.— А что мне с ними делать? Я же сказала: мы живем здесь прекрасно.

Сегодня в Доме ветеранов сцены—кинофильм. Впрочем, фильмы здесь бывают три раза в неделю. Сегодня идут «Подранки». Ольга Ефимова надевает костюм с почетным значком Советского фонда мира и идет в кинозал, повторяя почему-то запомнившиеся строки:

Мы не становимся моложе,
Но мы становимся мудрей,
И краски на закате дней
Все четче, все ясней,
Все строже.

Е. БРУСКОВА.
МОСКВА.